

Михаил Пселл

СРАВНЕНИЕ ЕВРИПИДА С ПИСИДОЙ

(Спросившему, кто лучше писал стихи, Еврипид или Писида)

И стихотворные размеры, и сами произведения прекрасны у обоих, у флиасийца Еврипида и у Георгия из Писиды, который не в пример многим, писавшим на ту же тему, использует ямб самым подходящим образом. Нелегко решить, кого из них надо предпочесть другому, кто из двух лучше, у кого больше познаний в метрике и достоинств [в употреблении] ритмов, размеров, стоп. Не очень трудно, хотя это дело высокое и глубокомысленное, найти у каждого из них какие-то вершины, но важно еще и то, кому из двух отдать победную награду. Для всякой речи важно то, что размеры и ритмы от времени приобрели тысячи особенностей. Сейчас героический размер сохраняет величие древности, однако составляется не по точным метрическим правилам, а из смешения дактиля, спондея, итафаллических метров (и ямбов). Видно, что и ямб не имеет прежних концовок, ритмов, соединений, но стал театральным и, точно на оркестре, бесстыден, перескакивает через любую стопу, перелетает через любой ритм, и только теперь мы восхищаемся тем и другим.

Трагическая поэзия украшена разными ритмами, стихотворные размеры в ней пестры, не перепрыгивает и не перескакивает она через темы, но в каких-то местах любит чеканные звуки, в стопах предпочитает ритмичность, стремится соединять в речи соразмерные куски, и там, где поэт считает нужным, он меняет ударение и переходит в другой ритм, так что иногда ритм скрадывается, иногда идет по трехсложной или четырехсложной стопе. И риторическая речь там, где в нее введены украшающие приемы, ритмична, [полна] самых музыкальных ритмов, а там, где приемы другие, она неровная. Поэзия Еврипида также негладкая, он будто позаботился о том, чтобы никто не подумал, что у него все ритмично. В одних местах найдешь у него особое тяготение к дифирамбу и к(текст испорчен), в других он пользуется иными приемами. Стремясь сделать речь приятной и торжественной, он украшает ее холиямбами и в своем творчестве бывает мастером на все руки: когда нужно показать сильный характер, он особенно внимателен к характеру, а если показывает, как кипят страсти у пострадавших, то весь бывает охвачен страстью. Страсть - это конечная цель трагической поэзии. Поэтому различие двух видов речи, трагической и комической, состоит в том, что в основе первого лежит страсть, а в основе второго - чаще всего смех и удовольствие.

Большинство составных частей трагедии - это не только то, что относится к сцене, но и то, что относится ко всему действию и композиции. Хоровая песнь на сцене - это одно, а за сценой - другое, равно как и эпизодий это не то, что вступление: иное из них произносят вестники, а иное - фригийцы, отряд варваров, пленные женщины или другой хор.

Стихотворные размеры не во всех этих частях одинаковы. Поэт должен и какую-то женскую песнь затянуть, и воспроизвести нрав варваров, должен быть очень точен в греческом языке, а также играть и другие роли сообразно характеру действующих лиц. И потому эпический размер в каждом случае неодинаков, и стихотворные метры и ритмы разные. А Эсхил толковее их обоих, у него больше глубокомыслия, речь более величественна, украшения и чеканные ритмы стоят не всюду, однако все у него торжественно и, так сказать, благообразно. Взавшись за самого Прометея, Эсхил очень мало отступает от своего обычая и с удовольствием вводит чистые ямбы и ласкающие слух слова. Пользуясь ими, он искусно справился со своей темой. В остальных же драмах, особенно там, где он показывает людей Дария, он чаще всего пишет высоким стилем и труден для произнесения, и непонятен он тому, кто не посвящен, так сказать, в таинства теофании. Еврипид же составил восемьдесят, а то и больше, драм. В них он сам красив, как статуя, и привлекательны в нем не только словесные прелести, но и страстность. Часто своими драмами, поставленными своевременно, Еврипид вызывал обильные слезы у афинян. Ведь они думали, что на самом деле видят то, о чем слышат. Вот он вводит безумного Ореста, который прикинулся, насколько это вероятно, Танталом, затем Еврипид заставляет его спуститься к сестре Электре и [показывает], как собрались соседи, чтобы узреть Ореста и поглядеть на него. Не спокойная стопа звучит тут, но [Орест] стоит там, где был поставлен, а те кто отвечают Электре на ее вопль «Тише... о не шумите здесь» и прочее, развернулись друг против друга хором, сообразно пению у них звучали стихотворные размеры, и никакой песни не пели они иначе, даже если надо было сделать ударение на слове. Так повсюду он сохраняет плавность речи, благозвучие слога и размеренность ритма. Всю мусическую [науку] и сами ритмические ходы он искусно вводит в свои произведения. Его речи не лишены ни интервалов, ни

разнообразия. Обо всем этот муж успел позаботиться: он меняет стихотворные размеры и стиль речи, расцвечивает слог и во всем ведет себя, как мастер. Над драматическими темами он трудился и прилагал усилий не больше, чем другие. Об этом Еврипид заботился мало, но больше, чем Эсхил, занимался песнотворчеством; я говорю о словесной стороне пения, о пользовании ею и о трех прекраснейших науках - музыке, ритмике, метрике; он как бы подобрал для своих тем флейты, кифары, лиры, подражая варварскому языку там, где это надо, так что создается впечатление, словно и эллинский язык у него прекрасен, и неправильности верны. Ведь когда он допускает неуместное, кажется, будто он варваризмами коверкает аттическую речь. Словесная сторона обработана у него лучше, чем само действие. Он необдуманно делает Гекабу противницей Одиссея, благородного риторика, ставит ее выше него и отводит ей достойную роль. Он и к Одиссею относится не без приязни, однако ставит его ниже пленницы. Еврипиду случается ошибаться там, где у других все исправно, но точностью своей речи и силой знания он всех превосходит.

Таков Еврипид, а ученый муж из Писиды - это, думаю, не поэт из Малой Антиохии, не сочинитель эпоса. Нет, он избрал для себя один стихотворный размер, ямбический, я говорю тут о древнем ямбе, который распался на части. Над ним он больше всего работал и не допускал пестроты в своем творчестве... (текст испорчен), в его поэзии нет той композиции, которая свойственна драме, нет разнообразия и чрезмерной ритмичности: он с изяществом слагает ямбы, не на многие части рубя ямб... (пропуск в тексте), но в некоторых местах довольствуясь только тремя. Во всем у него невынужденная [гармония], точно он не обдумывает слова и мысли, а читает их. Все слова у него греческие, звонкие, яркие. Если он пользуется такими оборотами, какие бывают в речи шуточной и нежной или в торжественной, то его находки введены и расположены так, что не возникает ни малейшего впечатления, будто он искажает тему, от которой отталкивается, переходя к своей собственной. Например, если он упомянул болезнь, то тут же тянет и всю медицину, не упуская удобного случая рассказать о причинах болезней и о том, чем они врачуются. Если он упомянул цепь, свисающую с неба и коснулся некоторых ее свойств, то сразу сообщает об оковах, о привязях, о том, сколько вершин и сколько концов у этой спущенной цепи. Если он собрал вместе часы [дни и ночи] и заставил их идти хором, то ах! [тут у него] и сцепление рук, и круг, и слова, и обходные движения, и эпод, и строфа с антистрофой, и покой и движение. Если же он взялся произносить речь, как в театре, и скажет, что упряжку времени ждет конь молодой, то тут же заговорит о возницах, о том, как лучше всего править, о ярме, о колесах, ободках, каких только не перечислит он ступиц, лошадиных украшений и храпа! Речь его касается таких тонкостей ремесла, о каких не могут говорить даже сами мастера этого дела. Если он назвал фаланги, то ты найдешь у него все гоплитское войско и строй пеших: копьеносцев, копьеметателей, стрелков, отряд воинов, начальника полулоха, командира арьергарда, тех, кто в строю стоит рядом, и тех, кто замыкает строй. Его стихи вылетают, как из пращи, пробивая мысль в речи стопами и стихотворными размерами.

Итак, если ты сравнишь аттическую пестроту, я говорю о Еврипиде, с Писидовыми метрами, то найдешь, что эти последние слабее Еврипидовой поэзии... (текст испорчен). Ведь ты не скажешь, что у него лучший вид ямба. Не скажешь этого и о героическом стихе, если он составлял героические стихи, которые не были ни краткими, ни восполняющими недостающее число.

Перевод Т.А. Миллер